

Дмитрий ЕРМАКОВ

г. Вологда

Норинская ссылка в гости к Бродскому

... В пятом часу хмурого утра я вышел на перрон Вологодского вокзала к поезду «Москва – Архангельск». И первый вагон его был с зарешёченными окнами, на подножке стоял офицер или прапорщик, в сумерках не разглядишь... Видел же и раньше я это не раз, но почему-то именно сейчас задело. Годы, десятилетия везут и везут зарешёченные вагоны людей в северном направлении... Сотни, тысячи, сотни тысяч людей... «Кому озеро Лача, а мне море плача!» – вспомнился аж Даниил Заточник. Да ведь и человека, «в гости» к которому еду, тоже везли из Вологодской пересылки в Архангельскую скорее всего этим же поездом в подобном же вагоне, не просто же это слова: «Я входил вместо дикого зверя в клетку...»

И все три часа до Коноши я дремал и думал сквозь дрему и о людях в первом вагоне (да, они преступники, но они – люди), и о поэте...

На вокзале Коноши меня встречает Надежда Ильинична Гневашева, сотрудница Коношской районной библиотеки. И пока мы идём над путями и составами по мосту-путепроводу, самое время объяснить читателю, что я делал в Коноше...

Общественная организация «Открытая библиотека» пригласила меня пожить в «арт-резиденции» «Норинская: добровольная ссылка». («Арт-резиденцию» я бы назвал «творческой дачей»). Честно сказать – не много я знал до этой поездки и о Коноше, и о Норинской... Коноша – станционный посёлок, довольно крупный, «столица» района Архангельской области. Норинская – деревня в 23 километрах от Коноши, в которой с апреля 1964 года по октябрь 1965 года отбывал ссылку поэт-«тунеядец», будущий Нобелевский лауреат Иосиф Бродский...

Мы уже идём по улице посёлка, по сторонам обычные двухэтажные барачного типа дома и новые кир-

пичные. Обычный железнодорожный посёлок, возникший при строительстве Северной железной дороги в самом конце XIX века. И как у всякого обычного посёлка или человека, у Коноши своя судьба и своя история, делающие его интересным и ни на кого не похожим.

То и дело попадают дома, так или иначе связанные с Бродским: здание суда, в котором его судили и дали 15 суток то ли за отказ от работы, то ли за опоздание из отпуска; милиция, в которой отмечался периодически, как положено ссыльному; здание библиотеки, в которую был записан; редакция газеты, в которой публиковались его стихи... Деревянный дом (напоминающий мне дом, в котором я жил в Вологде в детстве) – бывший комбинат бытового обслуживания, в котором Бродский уже в конце своей ссылки работал фотографом, а сейчас в этом бывшем комбинате из всех услуг предлагают лишь могильные памятники (уж простите за невольный мрачный юмор). Невольно напрашивается символизм – производства когда-то бывшие и процветавшие в Коноше – умерли или умирают, осталась лишь железная дорога-кормилица да, может, ещё что-то. Молодёжь, конечно же, уезжает по окончании школы в Питер, Москву, Архангельск, Вологду... Пусть бы она уезжала – было бы к чему вернуться...

Впрочем, сейчас я пытаюсь коротко рассказать о том, что узнал из семи (!) экскурсий, именно столько их по условиям договора провели для меня... Поэтому я остановлюсь здесь и лишь скажу спасибо сотрудникам районного музея, районной библиотеки, дома-музея Бродского, всем, кто так тепло принимал меня...

О Коноше можно написать не очерк, а целую книгу, что и делают местные писатели-краеведы; о деревне Норинской (она же Норенская) – тоже, пребывание в ней Бродского лишь эпизод (но яркий) в её многовековой истории. Ну а уж о Бродском в Норинской, о Бродском в Коноше и вообще о Бродском написаны уже десятки книг... За подробностями к книгам и отсылаю, а сам продолжаю рассказ о том, что я успел увидеть, узнать, понять...

Барачного типа двухэтажный дом, у крыльца – Бродский во весь рост и скамейка с надписью: «Северный край, укрой...»

Библиотека имени Иосифа Бродского. Снаружи она неказиста, а внутри, особенно в том

«пространстве», что касается Бродского, – всё современное, стильное... Тут увидел я впервые книжку Владимира Бондаренко из серии ЖЗЛ «Иосиф Бродский – русский поэт» (позже в Норинской я успел прочитать и эту книгу, и ещё несколько)... Книги, портреты, электронные страницы – вся жизнь поэта, и особенно полтора года его жизни в Коноше и Норинской, сконцентрирована здесь на 20 квадратных метрах... Здесь побывали все ныне живые друзья Бродского, все исследователи его творчества...

А я не друг и не исследователь... И зная, что кто-нибудь да скажет: «От Рубцова-то да к Бродскому» (и сказали!), я, не раздумывая долго, собрался и поехал... Даже зная, что и многие друзья – не скажут, но подумают... Поехал. Потому что помню, как в армии в 1987 году впервые увидел статью с названием «Я всегда ощущал себя свободным...» и имя Бродского (в том году ему Нобелевку дали). Не помню, что там было в статье, но те слова про свободу (услышанные в армейской несвободе), они с тех пор всегда со мной, и я могу повторить: «Я всегда ощущаю себя свободным...» Потом уже, позже, попала в руки книга «Бог сохраняет всё...», и я понял, что в целом – нет, не близок. Но... И сейчас, когда читаю строчки: «... бросил страну, что меня вскормила, из забывших меня можно составить город...» – мурашки бегут по спине. Не дай Бог никому такого одиночества! А ему Бог дал... И дальше шепчу же: «... что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной. Только с горем я чувствую солидарность. Но пока мне рот не забили глиной, из гор не раздаваться будет лишь благодарность». Воистину: «Бог сохраняет всё, особенно слова прощенья и любви...»

Но мы с Надеждой Ильиничной снова идём по улицам мимо тех же домов... Вот сюда редактору районной газеты «Призыв» он принёс стихотворение «Тракторы на рассвете», и оно было напечатано, а затем и ещё одно – «Осеннее». Взяла на себя такую смелость редактор газеты С.И.Ерёмина – дать слово административно высланному, стихи которого то и дело звучат в передачах западных радиостанций. И это были первые «взрослые» публикации Бродского в СССР, до того были лишь детские стихи в журнале «Костёр».

Ну, пусть здесь и будет это стихотворение Бродского. Вот что писал он, прожив уже год с лишним в деревне...

Тракторы на рассвете

*Тракторы просыпаются с петухами,
 Петухи просыпаются с тракторами,
 Вместе с двигателями и лемехами,
 Тишину раскалывая топорами,
 И в тумане утреннем по колено,
 Рокоча, выстраиваются вдоль фронта.
 Тишина разваливается, как полено,
 По обе стороны горизонта.
 Затопляются печи. Дым вьется прямо.
 Птицы склоняются над птенцами.
 Лес, как гигантская пилорама,
 Облака раскраивает зубцами.
 И всходит солнце, и смотрит слепо,
 И лучами сонные избы косит.
 И тракторы возносятся, как птицы, в небо
 И плугами к солнцу поля возносятся.
 Это рабочее утро, утро Народа!
 Трудовое утро с улыбкой древней.
 Как в великую реку, глядит на людей Природа
 И встает, отражаясь, от сна с древней.*

Август 1965

Это лишь одно из сотни с лишним написанных за полтора года ссылки стихотворений. Может, я не прав, но, по-моему, именно ссылка сделала его истинным поэтом. Причём, соглашусь с В.Бондаренко, – русским поэтом.

Мы пришли в Коношскую среднюю школу, где я встречался сразу с двумя одиннадцатыми классами... Прекрасные молодые лица... Я не помню, что я говорил (каждый раз на таких встречах я говорю о том, что беспокоит меня именно в этот момент), но внимательные глаза я видел. Что бы мы ни говорили о молодёжи – за ней всегда будущее. И я верю, что, да-да, именно светлое будущее. Светлое, как души и лица этих юношей и девушек... Говорил, конечно, и о Бродском...

...Мы уже в Коношском краеведческом музее. Надо сказать, что Коноша, как и Вельск, – были землями Вологодской губернии, они и сегодня тяготеют к Вологде... В романе В.И. Белова приводятся документы крестьян Кадниковского уезда, из нынешнего Коношского района (велик был Кадниковский уезд Вологодской губернии!). И где-то ведь здесь близ Коноши погиб на строительстве Северной железной дороги дед Василия Ивановича Белова... Мир тесен, мы, люди, гораздо ближе друг к другу, чем нам иногда кажется, то и дело, как крючочки, цепляют душу знакомые имена, фамилии, названия... Первый зал музея –

железная дорога. Второй зал – Великая Отечественная... Сотни солдатских писем-треугольников, оцифрованных сотрудницами музея, – их подвиг... И ещё зал, посвящённый лётчикам, погибшим неподалёку от Коноши, – во время войны перегоняли самолет «Ил», потерпели крушение... Вспомнил, что и мой земляк легендарный ас Александр Клубов погиб не в бою, а при аварии. А на экране «самолет Победы» – и его конструктор С. В. Ильюшин. Тоже наш. Ещё – зацепка...

И вот мы едем в Норинскую... Машина бодро бежит по асфальтовой дороге, по краям которой, как и у нас под Вологдой, – болота да лес... Правда, под Вологдой поля в основном обрабатываются (если не заглядывать чуть дальше от большой дороги), под Коношей – зарастают дурнолесьем и борщевиком. Проскакиваем пустынные дачные деревеньки...

И всё же «Норинская» или «Норенская»? Повсеместно – на стендах, в буклетах и книжках я вижу то одно, то другое написание. Вот переезжаем речку Норешку (значит – Норенская). Но на щите-указателе чётко написано – Норинская. Надежда Ильичина поясняет, что совсем недавно официально деревня называлась Норенская, но теперь ей вернули первоначальное (первоначальное ли? – уже сомневаюсь я) название. Для себя я развеял сомнения, увидев фотографию в доме-музее: Бродский с одним из своих многочисленных ленинградских гостей у указателя, на котором название деревни написано через «И». Он жил в Норинской, и я буду жить в Норинской. А вот Владимир Бондаренко в своей книге остановился на Норенской...

В деревне, в которой сейчас не более десятка домов, пустующих большую часть года, – два дома, в которых жил Бродский. Один из них ныне дом-музей. Его директор Ольга Александровна Терёхина – дочь того смелого редактора районной газеты С.И.Ерёминой. Она и Бродского в детстве видывала.

Сначала экскурсоводы из районного музея показывают мне музей деревни Норинской... А ведь это очень здорово – «музей деревни», не лубочный, а показывающий истинную жизнь настоящей деревни... И опять лишь скажу, что о Норинской и всей Кремлевской волости, к которой она принадлежала, можно написать отдельную книгу... И вот идём к дому-музею Бродского. Дорога Коноша – Вельск проходит прямо через деревню, и надо быть осторожными, водители не слишком-то скидывают скорость в обычно пустой деревне.

Арт-галерея в Норинской,
посвященная И. Бродскому

Памятная доска
на доме-музее
И. Бродского

В доме-музее
И. Бродского

Идём мимо первого дома, в котором жил Иосиф, – это столетний огромный крестьянский домина, сейчас один из гостевых домов (я жил в другом, меньшем по размеру). А вот и дом-музей. Здесь опять всё рассказывает о Бродском, воссоздана его комната: стол с пишущей машинкой, стул, диван, кровать, приёмник...

Здесь останавлиюсь и не буду рассказывать (об этом можно прочитать в Интернете и книгах), а порассуждаю о его ссылке, о нём...

Он был осуждён по «Указу о тунеядстве» весной 1964 года. Дело было полностью сфабриковано (главный «фабрикатор» этого дела некий Я. Лернер позже был осуждён за мошенничество). Дали максимум по тому указу – пять лет ссылки. В одиночной камере во время предварительного следствия («я впустил в свои сны воронёный зрачок конвоя») случился первый инфаркт (в 24-то года). А всего за его жизнь было четыре инфаркта («дважды тонул, трижды бывал распорот...»). Почти сразу же стенограмма суда над ним оказалась на Западе. За него вступились (письмами в ЦК!): Ахматова, Твардовский,

Паустовский, Чуковский и т. д. Решающими для освобождения Бродского стали, видимо, выступления в его защиту иностранных знаменитостей: Сартра, Арагона, Неруды... Но это было через полтора года. А весной 1964-го он ещё ничего не знал о досрочном освобождении и ехал на все пять лет, по этапу, через Вологодскую и Архангельскую пересылки...

В апреле он появляется в Коноше, устраивается (по совету начальника милиции: «Найдите спокойное место на это время...») рабочим в совхоз «Даниловский» и поселяется в деревне Норинской – отделении совхоза. Совхоз занимался откормом телят. На телятнике он и работал: корм задавал, выгребал навоз, пас. Поработал и на севе, и на уборке с полей камней...

Ну какой из него работник: отправили заготавливать колья – в кровь стёр руки, отправили пасти телят – разбежались, вместо обеда – чёрствые пряники из сельповского магазина в карманах...

Над ним посмеивались, его поругивали, но его и жалели, и даже любили этого рыжего Оську-тунеяд-

ца (кажется, гораздо добрее к нему относились, чем к Рубцову в деревне, о которой тот сказал: «Здесь родина моей души»). Ему прощалось даже такое: бригадир отправляет его рубить колья, а он достаёт из кармана трёшник: «Найми кого-нибудь, я этого делать не умею». Рубцов за тот трёшник и пошёл бы колья рубить, наверное... Кстати, летом того же 1964-го Рубцов сидел в своей Николе «без копыя», но писал стихи и страдал от того, что писание стихов там никто не считал за работу... Впрочем, о параллели «Бродский – Рубцов» чуть позже.

После расконвоирования всё это: жизнь в деревне, работу в совхозе – можно было бы воспринимать как весёлое приключение. За полтора года он четыре раза ездил в отпуск в Ленинград. Почти постоянно у него в деревне жил кто-то из друзей, приезжали в гости отец, мать, любимая женщина. Каждую неделю он получал посылку или перевод, да ведь ещё и зарплату платили. А в свободное время, которого, как сам он признавался, было много – писал стихи, переводил... Да это же курорт! Отдых на творческой даче!

Да ведь не по своей воле на курорт-то попал...

И время на «курорте» не терял, написал более ста стихотворений, и среди них такие, как «Мой народ», «В деревне Бог живёт не по углам...».

Впрочем, сам он очень не любил, когда драматизировали эти события, когда его представляли диссидентом, страдальцем и т. д.

Вот что сам говорил и писал о том времени, о тех людях: «В целом это было очень плодотворное время, я много писал... Были строки, которые я вспоминаю как некий поэтический прорыв». В другом интервью: «Если у меня и появилось ощущение природы, то это именно тогда». Ещё: «Деревня дала мне нечто, за что я всегда буду благодарен КГБ... Для меня это был огромный опыт, который в какой-то мере спас меня от судьбы городского парня». И ещё: «Мне гораздо легче было общаться с населением этой деревни, нежели с большинством своих друзей и знакомых в родном городе». Ещё: «Это был один из лучших периодов в моей жизни. Бывали и не хуже, но лучше – пожалуй, не было».

Это лишь некоторые его высказывания. Главное, конечно, в стихах. Тут самое время дать полностью знаменитое стихотворение...

Мой народ

*Мой народ, не склонивший своей головы,
Мой народ, сохранивший повадку травы:
В смертный час зажимающий зёрна в горсти,
Сохранивший способность на северном камне расти.*

*Мой народ, терпеливый и добрый народ,
Пьющий, песни орущий, вперёд
Устремлённый, встающий – огромен и прост –
Выше звёзд: в человеческий рост!*

*Мой народ, возвышающий лучших сынов,
Осуждающий сам проходимцев своих и лугов,
Хоронящий в себе свои муки – и твёрдый в бою,
Говорящий бесстрашно великую правду свою.*

*Мой народ, не просивший даров у небес,
Мой народ, ни минуты не мыслящий без
Созиданья, труда, говорящий со всеми как друг,
И чего б ни достиг, без гордыни глядящий вокруг.*

*Мой народ! Да, я счастлив уж тем, что твой сын!
Никогда на меня не посмотришь ты взглядом косым.
Ты заглушишь меня, если песня моя нечестна.
Но услышишь её, если искренней будет она.*

*Не обманешь народ. Доброта –
не доверчивость. Рот,
Говорящий неправду, ладонью закроет народ,
И такого на свете нигде не найти языка,
Чтобы смог говорящий взглянуть на народ свысока.*

*Путь певца – это родиной выбранный путь,
И куда ни взгляни – можно только к народу свернуть,
Раствориться, как капля,
в бессчётных людских голосах,
Затеряться листком в неумолчных шумящих лесах.*

*Пусть возносит народ – а других я не знаю судей,
Словно высохший куст, –
самоуменьение отдельных людей.
Лишь народ может дать высоту, путеводную нить,
Ибо не с чем свой рост на отшибе от леса сравнить.*

*Припадаю к народу. Припадаю к великой реке.
Пью великую речь, растворяюсь в её языке.
Припадаю к реке, бесконечно текущей вдоль глаз
Сквозь века, прямо в нас, мимо нас, дальше нас.*

А вот теперь я скажу о Рубцове. Николай Рубцов и был той самой «рекой», к которой «припадал» Иосиф Бродский, тем самым «народом».

В их судьбах много общего, много пересечений. По окончании седьмого класса Рубцов едет поступать в мореходку, его не принимают. Бродский после седьмого тоже пробует поступить в мореходку (на подводника), и его тоже не принимают. Рубцов поступает в «лесной техникум», вскоре бросает его, едет в Архангельск, начинаются его скитания по северу. Бродский идёт в восьмой класс, бросает его — начинаются его скитания, смена мест работы, поездки в геологические экспедиции, в том числе и в Архангельскую область... Бродский так больше нигде и не учился официально (но преподавал потом в американском университете); Рубцов, окончив вечернюю школу уже после службы на флоте, поступил и с трудом (с постоянной угрозой отчисления, с переводом на «заочку») окончил Литературный институт.

Бродский после школы работал фрезеровщиком, кочегаром, матросом на маяке, прозектором в морге, рабочим в экспедициях. Ну и, конечно, главное — он писал стихи. Думается, что в Норинской он несколько «играл роль», бравировал своим тунейдством, не верю я, что он, имея опыт работы в экспедициях, не умел пользоваться топором, например...

Рубцов был помощником кочегара на траулере, работал на заводе под Ленинградом, служил срочную на Северном флоте, затем работал на Кировском заводе в Ленинграде. В это-то время и пересекались их пути. Конечно, они были очень разные — коренной ленинградец, сын морского офицера, эстет и западник Бродский и работага с Кировского, детдомовец Рубцов. Но оба заметили друг друга на одном из поэтических вечеров. И хотя Рубцов несколько иронически отзывался в письме другу о выступлении Бродского, но зачем-то же записал его номер телефона в свой блокнот...

Рубцов, уже взрослым, часто бывал в Череповце, где жила его старшая сестра Галина. Бродский был в Череповце с матерью и бабушкой в эвакуации в 1942–1944 годах, то есть в 2 – 4 года. Именно в Череповце его крестила няня Груня. Это, между прочим, ответ тем, кто всё твердит о еврействе Бродского. Да, по крови — еврей, по вере — христианин («нет ни эллина, ни иудея во Христе Иисусе»), по судьбе — русский поэт. Сам Бродский писал: «Когда я работал на заводе, даже когда сидел в тюрьме, я удивительно мало сталкивался с антисемитизмом. Сильнее всего антисемитизм проявлялся у литераторов, интеллектуалов. Вот где к национальной действительности относятся болезненно...» Это ли не ответ всем, кто говорит, что чуть ли не всякий русский мужик стихийный антисемит и «погромщик».

Много параллелей и в их поэзии (особенно если брать деревенский период Бродского). Но... Невозможно представить Рубцова эмигрантом... Это не в осуждение Бродскому: выбор у него был небольшой — «горячие дни» (это могли быть и арест, и помещение в психушку, где он уже бывал), обещанные сотрудниками КГБ, или отъезд на Запад... У кого повернётся язык осудить?

«Расстаёмся навеки с тобой, дружок, нарисуй на бумаге простой кружок, это буду я — ничего внутри... Посмотри на меня и потом сотри». Чтобы написать такие строчки, что же надо пережить... В 1972 году уехать в Америку — это даже страшнее, чем умереть. Жив, а уже никогда не увидишь всё и всех, кого оставляешь. Его родителей так и не выпустили к нему ни разу...

Впрочем, Рубцов к тому времени уже умер... Слышал ли Бродский о его смерти в 1971 году? Наверное. Друзей-приятелей у Рубцова в Ленинграде оставалось много, они же были и знакомыми Бродского...

Вот ещё говорят, мол, Рубцов написал «я умру в крещенские морозы», так и вышло — значит, он истинный поэт. А вот Бродский сказал: «На Васильевский остров я приду умирать», а умер в Нью-Йорке, поэтому — какой же он поэт... А мне кажется, что это, мягко говоря, нечестно упрекать человека, что он умер там, где он умер. Откуда знать нам, куда летит душа, покидая тело?.. Николай Михайлович, между прочим, написал когда-то отчаянные «частушечные» строчки: «Наше дело правое, наши карты козыри, наша смерть, наверное, на Телецком озере!» А погиб в вологодской квартире... Так что ж?.. Велика тайна смерти, и не надо бы лезть в эту тайну с земными нашими мерками, с желанием и тут-то задеть, принизить...

Многие вспоминают, что Рубцов иногда не стеснялся называть сам себя гением... О Бродском вспоминала почтальон в Норинской: «Пришёл на почту да вдруг и говорит: «Я вам не просто так, вы обо мне ещё услышите!» «Кто о тебе, тунейдце, услышит», — думала в ответ почтальонка. Рубцов, не поступи он в Литинститут, не имей потом корочки члена Союза, тоже ведь вполне мог попасть под тот «указ о тунейдстве»...

Не разделять нам надо поэтов, а любить кого любит — Рубцова ли, Бродского ли (да ведь есть и другие у поэты), да радоваться, что есть они у нас...

Но вернусь в свою Норинскую ссылку. После дома-музея я наконец-то попал в руки моих «хозяев» – Анатолия и Елены Мальцевых, которым принадлежат оба гостевых дома в Норинской. Я жил в маленьком и уютном доме (доме бабушки Анатолия), рядом с музеем. И жилось мне в нём хорошо и спокойно. Печка, кровать, стол, простая и вкусная еда – что ещё нужно-то? А для работы: книги, музей в десяти шагах, вечером – одиночество и покой... Мне хорошо работалось там – читалось и писалось. Я благодарен Анатолию и Елене за их ненавязчивую заботу и внимание.

...Вечером уехали в город музейщики, уехали, натопив печь и накормив меня, Мальцевы, и я остался один в домике на краю пустой деревни. Шелестел по крыше бесконечный дождь. С шипением, обдавая комнату мгновенным светом, изредка проносились по дороге машины. И было в этом одиночестве что-то нереальное и давно ожидаемое, и давнее, забытое. Сладкой тоской наполнилось сердце моё... Впрочем, эта тоска совсем не мешала мне читать материалы «дела Бродского» и книгу Владимира Бондаренко... Вдруг представилось ярко, будто наяву – бредёт по обочине в «контору» получать наряд на работу рыжий парень в джинсах и свитере (в 64-м-то году!)... А это я уже спал... И то стучал колёсами и качался вагон поезда, то раздавался голос Надежды Ильиничны: «А в этом доме он тоже бывал...» То брёл я, двадцатидвухлетний, по какой-то из линий Васильевского острова...

Второй день в Норинской был насыщенный. С утра я, как положено «резиденту», работал в музее (Ольга Александровна приехала утром и открыла его). Потом нахлынули участники поэтического фестиваля «Поэтическая картошка в Норинской».

Я познакомился с учредителем некоммерческого партнёрства «Норинская» Любовью Николаевной Чеплагиной (она же и главный редактор нынешней районной газеты «Коношский курьер») и с управляющим партнёром НП «Норинская» Антоном Чеплагиным. От них и узнал, как непросто создавался музей, как появилась идея арт-резиденции «Норинская – добровольная ссылка».

Как это обычно бывает – энтузиасты своей неутомимостью пробили чиновничий панцирь, сумели заинтересовать губернатора области, и дом, находившийся уже почти в руинированном состоянии, восстановили, и появился музей, и получен грант на «арт-резиденцию». Теперь уже можно не сомневаться – дом-музей будет жить и

развиваться, в Норинскую уже едут люди со всей России и из-за границы и будут ехать ещё и ещё... А ведь могло всего этого и не случиться...

Была в этот день и копка картошки (Бродский, уезжая, обещал хозяйке вернуться и помочь выкопать картошку, но, конечно, не вернулся, и вот участники фестиваля выполняют его обещание). Была и печеная картошка. Были и стихи: соревнование в чтении стихов Бродского и собственных между командами из местных школ и литобъединений. Был обед от Мальцевых для всех участников фестиваля с рыжиками, груздями, картошкой и смородиновым чаем и ещё чем-то очень вкусным, деревенским...

В Коноше в детской библиотеке меня ждала выставка рисунков коношских ребят – участников конкурса журнала «Костёр», посвященного 80-летию журнала (напомню – в нём состоялись самые первые официальные публикации Бродского). Потом, в уже знакомой районной библиотеке, состоялось открытие выставки художника Александра Дудорова (первого «резидента» «Норинской ссылки»), местного уроженца, давно живущего в Санкт-Петербурге, участника выставок аж в Нью-Йорке. Ну и уж, как говорится «на верхосытку» – спектакль Петербургского театра оперетты в Доме культуры. Столь тесное культурное сотрудничество Коноши и Санкт-Петербурга стало возможным тоже благодаря имени Бродского, конечно же...

В сумерках, под непрекращающимся дождём, привезли меня в Норинскую. Мигнули фары, я остался один. Печка была тёплая, ужин на столе... Тут же книги и блокнот... Быть одному в деревенском доме, слышать абсолютную древнюю тишину, видеть кромешную тьму за окошком – это, согласитесь, хорошо. По дороге пролетела, осветив окно моей избушки, машина, и я снова взялся (скажу «высоким штилем») за перо... И, честное слово, я старался, чтобы путь от сердца до кончика пера был как можно короче...

И утром я был один... Не торопясь позавтракал, обулся в привезённые для меня заботливыми Мальцевыми резиновые сапоги, накинул фуфайку и пошёл к недалёкому роднику (дорогу мне вчера указали). С большака свернул на тропу. Тут заброшенная силосная яма – свидетельство былой совхозной жизни, тут где-то был и телятник, в котором совершал свои «трудовые подвиги» Иосиф Бродский... Под сосной переспелые маслята, кустовые заросли... Тропка скользит под ногами и выводит меня к роднику, дающему начало ручью, который наверня-

ка впадает в одну из речек бассейна Северной Двины (где-то неподалёку от Коноши берёт начало и Кубена), и, значит, я опять на родном берегу — из ручья в речку, из речки в реку я мог бы добраться и до родной Вологды, и, например, до рубцовской Николы...

Я пью чистейшую родниковую воду... Возвращаюсь в деревню и иду по дороге к кладбищу. По краям этой дороги есть старые дома, даже старинные — высокие, тёмные, с закрытыми ставнями окнами, с упавшими дворами... Останки великой Русской цивилизации, к которой успел прикоснуться Иосиф Бродский.

Кладбище на холме, между сосен — могилы, кресты и памятники. Здесь застаёт меня дождик, и я стою под сосной и читаю фамилии, в основном уже знакомые по рассказам экскурсоводов и подписям к старым фотографиям: Ждановы, Богачёвы, Пестеревы... Хозяева обоих домов, в которых жил Бродский, были как раз Пестеревы... По каким краям разметало потомков этих людей, упокоившихся на родном холме?... Да, Норинская благодаря имени Бродского (как, например, Тимониха благодаря имени Белова) будет жить дачно-музейной жизнью... А десятки, сотни, тысячи других русских деревень?..

Я вернулся в дом, и здесь встретили меня Анатолий и Елена... Я вот думаю: легко сказать — «гостевой дом», а сколько труда и забот в этот дом вложить надо (так что пожелаю-ка я вам, дорогие Мальцевы, терпения и удачи).

И совсем уже сказочное продолжение дня — Анатолий берёт свою двустовку, и мы идём к недалёкому

лабазу, туда, где на окрайке леса и луга посеяна полоса овса. И следы кабаны и медвежьи там есть... Жаль, что я не охотник (а может, и хорошо это).

Вечером меня ещё ведут в гости. Оказывается, не один я ночевал в этой деревне, на другом её конце в старом и крепком доме живёт Валентина Васильевна. Одна. Дети и внуки приезжают, конечно. Блины у неё — ох вкусны! «А я днём гляжу — мужчина по деревне ходит...»

Да, было дело — ходил я по деревне Норинской...

...Последняя ночь и утро пролетели быстро. В десять под окном просигналила чёрная «Волга» (былая роскошь) районной администрации, и немногословный серьёзный водитель, между прочим, когда-то работавший в том же самом совхозе, что и Бродский, отвёз меня на вокзал Коноши.

Поезд на этот раз был мурманский, и он уже подходил к платформе, когда вдруг появились Анатолий и Елена. И подали мне пакетик, а в нём — баночка рыжиков и баночка земляничного варенья. Последний привет мне из Норинской.

Я ехал в поезде, смотрел в окно и думал о том, что «северный край укрыл» многих, не только Бродского... Здесь и сегодня живёт мой народ, «в смертный час зажимающий зёрна в горсти...».

Вологда — Коноша — Норинская — Вологда
Сентябрь-октябрь 2016 года

Дмитрий Анатольевич ЕРМАКОВ

родился в 1969 году в Вологде.

Член Союза писателей России.

Автор нескольких книг — рассказы, повести, романы.

Лауреат Всероссийского конкурса им. В.Шукина «Светлые души»,

Международного конкурса детской литературы им. А. Толстого,

международной литературной премии «Югра».

Публиковался в журналах «Наш современник»,

«Подъём», «Москва» и других.

Живёт в Вологде.

